

Без исповеди нет спасения

Старейшему румынскому духовнику архимандриту Иустину (Пырву) 10 февраля 2013 года исполнилось 94 года. Он является одним из самых любимых в Румынии батюшек. 16 лет провел в тюрьмах за религиозные убеждения, 25 лет находился под пристальным надзором румынской «секурита-те», но это не погасило его ревность по Богу.

Архимандрит Иустин (Пырву) Отец Иустин всегда отстаивал чистоту святой веры православной: и в годы социалистического атеизма, и после его крушения, когда над Румынией нависли новые угрозы. Мужество и героизм этого исповедника Христова, готового пойти на любые жертвы ради Истины, служат для всех нас, современных христиан, образцом стояния в вере.

Отец Иустин (Пырву) давно уже измеряет время своей жизни не годами: главное для него – дела и добрые слова. Он беседует с каждым переступающим

порог его кельи, и его именуют старцем. Стоит отцу Иустину взглянуть на тебя синими, как небо, глазами, и в тебя входит радость, ты начинаешь сиять улыбкой. Он говорит, чего тебе недостает, чтобы начать преуспевать, и вселяет надежду... Не важно, что иногда ты не сразу понимаешь его слова, – ты чувствуешь, что им руководит Бог.

Рядом со старцем забываешь о голоде, холоде и суете мира сего. Он пленяет сердце своей всепоглощающей добротой, и хочется приходить сюда снова и снова, чтобы, смиренно опустившись на колени, припасть к этому источнику добра, мудрости и любви к людям.

И вот на исходе зимы я снова прихожу в келью отца Иустина в монастыре Петру Водэ. В его комнатке стоит запах смирны и настоящего ладана. Монахиня приносит ему с кухни румынский пирог с брынзой. Он угощает и меня... Затем начинает говорить о... покаянии, исповеди и молитве.

– Ключом к нашему спасению является таинство святой исповеди. Это одно из семи святых таинств нашей Православной христианской Церкви. Без этого таинства нет спасения. Мы можем совершать всевозможные подвиги, пост, молитву, бдения, милостыню, пожертвования, но без испо-

веди никак нельзя.

Какая молитва о прощении грехов была самой краткой? Молитва разбойника на кресте: «Помяни меня, Господи, во Царствии Твоем»¹. А кем связывается и кем разрешается христианин в таинстве исповеди? Он связывается и разрешается через таинство священства. Иногда слышишь, как сектанты, отпавшие от нашей христианской Церкви, говорят: «Мы исповедуемся друг перед другом и не нуждаемся в благодати Божией».

Итак, что самое главное в таинстве исповеди, в таинстве священства? Благодать Божия. Ею мы связываем, ею разрешаем. Священник – только инструмент, посредством которого действует благодать Божия, и к ней не примешиваются грехи священника. Грехи священника – он сам за них даст отчет, а благодать Божия действует независимо от его добродетелей и его жизни.

Поэтому неправильно, когда кто-нибудь из христиан говорит: «Пойду исповедаться к батюшке такому-то, чтобы он отпустил мне грехи». Да, это верно, каждый хочет попасть к врачу получше, но священство – это благодатная сила, и она одинакова как у батюшки из самого дальнего сельца, так и у служащих в наших знаменитых румынских монастырях: везде действует благодать.

Да, конечно, очень многие неверующие отказываются идти на таинство исповеди, говоря: «Зачем мне это? Я еще молод, у меня еще столько времени впереди. Успею исповедаться и покаяться на старости

лет». Но с нами может случиться все что угодно – Боже упаси! – какая-нибудь авария, паралич, потеря зрения, еще что-нибудь. И ты уже не можешь положить ни одного земного поклона, тебе даже в пояс поклониться тяжело, и ты вздыхаешь: «Ой, у меня болят колени, ой, мне нужно отдышаться», – и вот так враг ставит нам препоны, а мы всё откладываем нашу исповедь и в конце концов уходим на тот свет не подготовившись.

Когда ты молод, когда ты еще дитя, родители говорят: «Оставь ребенка, пусть он живет своей жизнью, еще успеет сделать это». Но на бедного ребенка обрушивается болезнь, начинается какая-нибудь лейкемия, и он становится неспособным принести никакого покаяния. Его разбивает паралич, отнимается язык, он не может двинуть рукой, чтобы хотя бы на бумаге написать свой грех, – вот как враг-диавол отвел его от покаяния.

Мы должны иметь великое попечение о своих детях, водить их в храм, чтобы они привыкли к таинству покаяния. Тогда ребенок и дома будет послушным, искренним, он с полным правом будет следовать нравам и жизни родителей. Семейную жизнь ничто так не скрепляет, как это таинство исповеди. Муж уважает жену благодаря таинству исповеди, жена уважает мужа благодаря таинству исповеди, дети уважают детей благодаря таинству исповеди, а священник, являющий собой единство всех в благодати Божией, вносит мир и покой в дом – и в нем, благодаря этой душевной чистоте, царит Христос и естественны преданность, любовь и искренность. Семья

держится на любви, искренности и преданности друг другу.

Таинство венчания – это взаимное спасение, с таинством венчания связаны и деторождение, и материальная взаимопомощь. Муж не прячет своего кошелька в одном углу, и жена не прячет своего в другом, потому что тогда это уже было бы не единство, уже не любовь, уже не доверие.

Некоторые говорят: «И зачем мне работать для тебя, когда у тебя зарплата больше моей?» – «Да, она больше, и меня ноги кормят. Я вот поеду в Испанию, поеду в Англию, во Францию – и до свидания». На этом всё. Они покончили с таинством венчания и таинством исповеди.

Или еще приходит на ум такое: «А зачем мне работать за них? Пусть сами работают. Что, чтобы я работал за них? Поживу-ка для себя, мне ведь всего несколько лет до пенсии. И что мне теперь делать? Работать за своих детей и жену? Да пусть сами идут и трудятся».

Всё это нехорошо. Когда-то жена была привязана к мужу, потому что это не в наших традициях было, чтобы жена ходила на работу. Когда мужчина женился, он знал, что будет содержать семью, потому что семья зависела от его труда (конечно, те зарплаты были несравнимы с нынешними), а жена смотрела дома за всем хозяйством и детьми, готовила детей к школе, стирала, готовила еду. Жена была привязана к мужу, и послушание мужу соблюдалось свято.

Помню, мама вязала шерстяные носки, и мы их носили по два года, они не рвались. Она сама пряла, шила, ткала, вязала, делала всё по хозяйству. А сейчас то и дело слышишь: «Дорогая, не надо этого делать, пойдем и купим всё это, пойдем в магазин». А раз так, тогда мужику нужно везти уйму денег из Испании и Израиля, доллары и евро и так далее.

Каноны – это каноны. Ну, если сегодня назначишь человеку 20 земных поклонов, то он тут же скажет: «Ой, а как же я сделаю двадцать?» А если я запрещу ему причащаться два года, то он сразу же скажет: «Ой, а как же я буду без Причастия?» А грехи? Мы им попустительствуем и не думаем о том, что если немного не добавить порядка с этими канонами, то потеряем верующего, и он больше не придет на исповедь. Современный человек дошел до крайне тяжелой стадии. Бог накажет и священника, с легкостью отпускающего грехи, и верующего, который ра-

дуется этому отпущению. Они оба попадут в один котел. Причастить кого-то недостойно?!

Сегодня стало модно причащаться очень часто, и чем чаще мы причащаемся (если причащаемся недостойно), тем сильнее заболеваем душевно. Сначала нужно очиститься, омыться. Жизнь – это не столько причащение, сколько само приготовление к этому святому таинству Причастия Крови, которую Христос пролил за грехи наши. А если мы принимаем ее так... как в столовой, у дверей исповедуемся и в алтаре причащаемся...

Когда я учился в начальной школе, мы ходили на исповедь в начале поста, вся школа во главе с учителем. Исповедь начиналась с учителя, затем входили мы, человек 60–70 детей, приносили яйца из дома (плата за исповедь), складывали их в корзину и шли на исповедь. Священник спрашивал нас:

– Сколько тебе лет? В каком ты классе?

– В третьем, в четвертом.

– Тебе 500 земных поклонов.

В конце поста нас снова вели на исповедь, и он спрашивал:

– Сколько поклонов я тебе назначил?

– 500.

– Ты сделал их?

– Да.

– Хорошо. Иди к причастию.

Так совершалось наше воспитание и душевное врачевание. Туда приходили и родители, исповедовались и они тоже. Там, в храме, наш же учитель читал синаксарь, читал Апостол. А где ты сегодня увидишь

преподавателей в церкви? Где ты сегодня увидишь образец для крестьянина, который стоял бы в храме в дни праздников, в воскресенье, на Пасху, Рождество, Крещение? Учитель стал большим господином. Он забыл, как мама за руку привела его в храм, забыл, как она с котомкой вела его в лицей и отрывала от себя последний кусок хлеба, чтобы сделать его образованным человеком.

Он отучился и от исповеди и причастия и ходит теперь на дискотеку, сидит перед телевизором, прости-те, со всей этой сверхтехникой, которая наводнила и разрушила наши села и города. Чем больше он разодет, тем он чужее. Чем большим безбожником, вольнодумцем он будет, тем лучше его примет мир сей.

Но тебя видно насквозь по походке. Видно, чего ты стоишь и где ты, со всем твоим современным высокомерием, ломаешь себе шею в какой-то момент. Ибо так и случаются засуха и лихолетье. Земля истощена, и всевозможное зло обрушивается на нашу голову. Появляются всё новые болезни, появляются всякие тяготы, неисцельные, неотвратимые.

...Таков «современный человек», лишенный благодати Божией, лишенный этих таинств исповеди и причастия и всех благ небесных и земных. Мы все время бежим от хорошего, отгоняем его и дошли до того, что нам неприятен запах ладана, базилика...

Мы говорим: «Мне это не нравится!», «Меня это напрягает, у меня болит голова от этого дыма и чада свечей, я не могу тут долго находиться!» И приходит на нас всякое зло.

Я ведь не против модернизации, не против прогресса. Прогресс очень хорош, но всё должно быть на своем месте.

Чем цивилизованнее человек, чем он культурнее, информированнее, тем он лучше как христианин. Ценность народа, как и человека, тем выше, чем больше он знает Евангелие и живет по нему.

Если бы человек внимательно читал только вторую вечернюю молитву, то и там он нашел бы всю философию христианина в двух-трех фразах: **«Даждь, Господи, и мне, недостойному рабу Твоему, спасение Твое на ложи моем. Просвети ум мой светом разума Святаго Евангелия Твоего»** – то есть человек должен весь день проживать со словом Евангелия.

«Душу любвию Креста Твоего» – то есть речь идет о страдании за ближнего, о жертвенности, ибо напрасной была твоя жизнь, если она прожита в одиночестве и эгоизме! Нет, в душе должна быть **любовь Креста Твоего**. Христос для чего взошел на Крест? Он взошел на Крест из любви к человеку падшему, человеку погибшему.

«Сердце чистотою словесе Твоего» – то есть вот где исходный центр жизни человеческой – в сердце. *Сыне, дай Мне твое сердце!*¹ Ничего другого Христос не хочет, кроме сердца человеческого. Почему Хри-

стос стучит в дверь?¹ Он стучит, чтобы ты открыл Ему свое сердце.

«Тело мое Твоею страстию безстрастною» – то есть всегда надо иметь в виду, что только страдание ведет тебя по пути совершенства.

«Мысль мою Твоим смирением сохрани» – другой вопрос: а что такое смирение? Оно – риза Божества.

И вот так мы будем стараться исправить всю жизнь нашу. Вечерние молитвы – как исповедь перед духовником. Так было установлено, что ты должен исповедоваться перед духовником 4–5 раз в году. Задаются такие вехи – исповедоваться в посты, чтобы человек знал. Но в общем исповедь – это как при зубной боли. Если у тебя начинает болеть зуб, ты уже не ждешь следующей недели, не ждешь, когда стоматолог приедет к вам в село, но едешь напрямик в Пятра-Нямц или Яссы и вырываешь зуб, потому что не можешь спать, не можешь работать, не можешь делать ничего. Вот то же самое происходит и с «зубом души». Начал грех грызть твою душу – иди к «врачу» и вырви свои грехи! И там ты уже встаешь исправленным, здоровым и продолжаешь нормальный ход своей жизни.

Поэтому чтение этих вечерних молитв очень важно как свидетельство исповеди человека в душе и перед иконой.

«Вольныя моя грехи и невольныя, ведомыя и неведомыя: яже от юности и от науки злы, и

яже суть от нагльства и уныния. Аще именем Твоим кляхся, или похулих е в помышлении моем; или кого укорих; или оклеветах кого гневом моим, или опечалих, или о чем прогневахся; или солгах, или безгодно спях, или нищ прииде ко мне, и презрех его; или брата моего опечалих, или свадих, или кого осудих; или развеличахся, или разгордехся, или разгневахся; или стоящу ми на молитве, ум мой о лукавстве мира сего подвижеся, или развращение помыслих, или опихся, или без ума смеяхся; или лукавое помыслих, или доброту чуждую видевах, и тою уязвлен бых сердцем; или неподобная глаголах, или греху брата моего посмеяхся, моя же суть безчисленная согрешения; или о молитве не радих...» – и. т. д.

Итак, вот все грехи, которые могут быть у человека и которые он называет перед судом своей совести, перед иконой и пред лицом Бога. Это исповедь, которую совершает каждый, и тогда Бог находит его приготовленным. «Затем, осенив себя крестным знаменем и засыпая с молитвой на устах, подумай о Судном дне, о том, как ты предстанешь пред Богом».

Время течет по-другому в присутствии отца Иустина (Пырву).

Потом я буду жалеть, что не спросила у него и о других беспокоящих меня вещах, но минутам идет счет, и паломники, как всегда съехавшие-

ся в огромном количестве, слышны за дверью. Батюшка говорит ласково, затем благословляет меня. Тут всякая неопределенность исчезает.

Я знаю, что пора и честь знать. Но как бы хотелось остаться здесь и сидеть, как Мису, котенок батюшки, на краешке кресла, сидеть и слушать, радоваться покою вместе с небом, елями, ручейком, журчащим за монастырем, и главное – быть близ души отца Иустина, дышать святостью, которой веет даже от румынского пирога с брынзой, только что вынутого из печи.

Ухожу, спускаюсь по дороге, ведущей в село, а сердце просит: «Молитесь о нас, отец Иустин!»

*Беседу архимандрита Иустина (Пырву) записала
Изабелла Айванчесей*

*Перевела с румынского Зинаида Пейкова
Crestinortodox.ro*

Исповедь: что лечить — симптомы или болезнь?

Игумен Нектарий (Морозов)

Игумен Нектарий (Морозов) не согласен с мыслью протоиерея Алексия Уминского, высказанной в его статье "Исповедь - проходной билет ко Причастию?", о том, что многим людям стоит исповедоваться реже, чем они причащаются.

На первый взгляд, определенные проблемы с тем, как обстоят сегодня дела с исповедью, и правда есть. Но это, дерзну сказать, именно на первый. Потому что при взгляде более пристальном, внимательном, становится ясно: в действительности проблема в другом, а это... Это лишь симптомы, проявление той, другой, куда более серьезной болезни.

Нам, священникам, и правда постоянно приходится сталкиваться с тем, как трудно дается многим людям Таинство покаяния, ну, а вместе трудно оно дается и нам. Нет, я не о том говорю, что человеку нецерковному тяжело впервые решиться открыть в присутствии священника свою душу перед Богом, поведать

вслух о самом худшем в себе и в жизни своей. Это-то как раз вполне естественно, тут нечему удивляться. Хотя, надо сказать, что современная жизнь с ее развращенностью и бесстыдством очень быстро учит человека как смело грешить, так смело и говорить о своих прегрешениях — чего особенного, дело житейское, у психолога на приеме и не такое порой сказать придется!

Но это, слава Богу, не всех еще касается, остаются люди, которые хоть и грешат без удержу, да грехов своих все же стесняются, в том числе и на исповеди, почему и каются в них мучительно, с трудом, стыдом и болью сердечной — как и должно. А еще и такие есть, которые и грешить стыдятся, поэтому грешат не много, не тяжело, а «легко» и «повседневно». Это в большинстве своем как раз люди церковные.

Вот среди них-то исповедь и дается многим трудно — не в силу множества грехов и их тяжести, а в силу какого-то непонятого, казалось бы, «неумения» каяться, непонимания, как это делать, а иногда — так даже и зачем именно.

Поэтому и приходится подчас слышать у аналоя с крестом и Евангелием вместо исповеди рассказ (хорошо, если не повесть и не роман) со множеством сопутствующих деталей, действующих или бездействующих лиц, лирическими отступлениями и прочими совершенно лишними ответвлениями от главного — от покаяния в отягощающих совесть грехах.

Или, наоборот, в несчетный раз внимать сухому (в том числе и потому, что бесслезному), безжизненно-

му перечислению: «делом, словом, помышлением...».

Или с состраданием либо с огорчением (в зависимости от собственного душевного состояния) смотреть на сияющего и никак не могущего вспомнить свои грехи человека, который повторяет: «согрешил... согрешил...», а в чем — никак не скажет. Ибо к исповеди он начал «готовиться» уже здесь, в храме. Но память почему-то ему ничего не подсказала.

И я не могу объяснять такое положение лишь пресловутым «пастырским нерадением». По своему опыту сужу: не раз и не два внебогослужебные беседы на своем приходе я посвящал разговору о Таинстве покаяния — о разных его аспектах. Говорили и о том, в чем суть этого Таинства, и как готовиться к нему, и как избегать тех ошибок, которые наиболее распространены. И «частным» порядком, то есть уже после исповедания грехов приходилось, да и приходится давать какие-то наставления по поводу построения исповеди и подготовки к ней. А ситуация, если и меняется к лучшему, то медленно, трудно.

Но только я ни в коем случае не соглашусь с мнением, что причина этого в том, что исповедуются, дескать, церковные люди регулярно и оттого к Таинству привыкают, теряют способность по-настоящему глубоко его переживать, тем паче, когда грехов тяжких нет, а так, ерунда лишь какая-то. Это мнение, мне кажется, тоже симптом...

Суть на самом деле вообще не в исповеди, и потому говорить, наверное, уместно не о ней, как таковой, а

об ином: мы исповедуемся так, как... живем — не хуже и не лучше. И если кому-то кажется, что имеет место некий «кризис института исповеди», побуждающий к пересмотру отношения к нему, то скорее оправданно говорить о кризисе христианской жизни, а все остальное лишь следствие сего.

Если человек живет по-христиански всерьез, глубоко, то один из самых характерных признаков этой жизни — его постоянный труд над собой, обусловленный стремлением измениться, исправиться, совлечься «ветхого человека». Это непрекращающаяся борьба с тем, что мешает нам быть с Богом — с нашими страстями, греховными навыками, худыми привычками, которые кажутся нам порой нашей второй натурой, однако на самом деле — лишь болезненные «наросты» на нашей душе, ее «искривления», мешающие нам не только быть собой в полном смысле этого слова, но даже и узнать себя как следует.

Борьба, о которой речь, может быть более или менее успешной, может приносить зримые, осязаемые плоды и, напротив, представляться весьма скромной по своим

результатам, смиряя тем самым нас и заставляя о себе помышлять крайне невысоко. Но! Она должна

быть, и именно непримиримой. Как только происходит «примирение с собой в наличном состоянии», христианская жизнь как таковая заканчивается, от нее остается лишь внешность, форма, место веры заступает «идеология». Эта болезнь может носить временный характер, может овладеть человеком надолго, а может стать хронической и восприниматься при этом уже как своеобразная норма.

И тогда, конечно, очень трудно исповедоваться раз за разом со слезами, с сердечным сокрушением, с болью в душе, исповедь становится формальной — такой же, как и жизнь. И молитва становится формальной. И участие в богослужении. И духовное чтение... И если удастся порой от формальности уйти, воспрянуть ненадолго, то лишь по действию призывающей человека к изменению Божественной благодати.

Мне не раз приходилось сталкиваться в интернете с рассуждениями о том, что «одно дело монахи, а другое миряне» и потому, следовательно, «одно дело исповедь монашеская, а другое — мирского человека». Согласиться с этим не могу никак — по многим причинам. Во-первых, потому что, к сожалению, монашествующие в наше время нередко живут жизнью едва ли не более насыщенной и наполненной попечениями, нежели миряне. А во-вторых, потому что тут, в этом рассуждении, как мне видится, происходит какое-то смешение двух различных вещей — исповеди как таковой и откровения помыслов, которое действительно делание преимущественно монашеское, однако сегодня уже редко где вполне сохранившееся.

Исповедь же в своем существе у монахов и мирян — одна. Понятно, что мирянин вряд ли будет каяться на исповеди в нарушении «обетов послушания, целомудрия и нестяжания», как может каяться монах (ну, или будет, но не понимая, разумеется, о чем, собственно, речь). Но в том, что касается душевных страстей и грехов делом, словом и помышлением, разницы существенной нет. Как нет и Евангелия для монахов и для мирян, а есть лишь одно — для всех христиан вообще... Поэтому выскажу уверенность: определяющим фактором в отношении исповеди является не «статус», а живая, не уснувшая сном бесчувствия совесть.

Что вызывает у меня еще большее несогласие, так это утверждение, что кому-то на исповеди «специально приходится придумывать грехи, чтобы получить допуск на Причастие». Их кому-то и правда надо придумывать? А разве у нас у всех их и так не полно? Вопрос в другом — видим ли мы их?

Священномученик Петр Дамаскин говорит о том, что видение грехов бесчисленных, словно песок морской, служит признаком «начала здоровья души». Посему, если мы настолько не видим своих грехов, что возникает соблазн «придумать» что-то специально для исповеди, чтобы священника «не искушать», то надо, наверное, хотя бы одно со скорбью исповедовать: что наша душа настолько больна, что мы и болезни этой уже не замечаем даже.

Более того скажу: среди церковных, часто исповедующихся людей крайне редко можно встретить чело-

века, у которого «не хватает» грехов. Зато люди, которые исповедуются раз или два за год, очень часто просто «святые» и на исповеди не то, что грехов назвать не могут, а прямо-таки говорят о своих добродетелях.

Мне трудно избежать некоторой горячности при обсуждении этой важной темы, хотя и хотелось бы. Трудно потому, что она и правда очень важна: голоса в пользу отмены исповеди как обязательного условия для Причащения звучат все чаще и все уверенней. Я не считаю, что это невозможно в принципе. Возможно и порой даже необходимо.

Например, в некоторых афонских обителях, где братия причащается четыре раза в неделю, а исповедуется чуть реже... Но говорить об этом как о норме церковной жизни в современной России очень опрометчиво.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) указывает на исповедь как на одно из самых необходимых деланий для новонаначального — неважно, монаха или мирянина. Того самого новонаначального, который ничего еще не умеет как следует — ни вести духовную брань, ни подвизаться в воздержании, ни молиться. Того самого новонаначального, от которого ничуть не отличаемся практически все мы — при всем нашем к самим себе и друг другу уважении...

Исповедь — всегда повод так или иначе «войти в себя», разобраться с тем, что происходит в нашей жизни и в душе, собраться, принять необходимые решения, особенно — для того, кто обычно живет рассе-

янно и расслабленно. Не потому ли практически каждый сталкивался и сталкивается порой с тем, что на исповедь очень не хочется? А если дать этому «не хочется» законное основание, сделать ее необязательной, предоставив суду совести человека решать — нужна она сейчас или же только через полгода? Той самой совести, которая так часто спит и просыпается нехотя, с трудом, мучительно...

И самое главное — если быть последовательными, то ведь ко многому придется пересмотреть отношение. Зачем молиться долго, если мы все равно молимся невнимательно? Не лучше ли все эти каноны, правила заменить молитвой краткой, а еще лучше — лишь текущим нуждам посвященной? Зачем такое сложное и продолжительное богослужение, если во время него мы размышляем о чем-то своем? Не обратиться ли к опыту братьев католиков и не свести ли все к краткой и не обременительной потому мессе?

А пост? Да разве кому-то удастся поститься точно по Типикону — при наших-то немощах телесных да стрессах постоянных? Мучения одни и никакой пользы, искушения только... Не разрешить ли тогда официально постом — кому на молоко, кому на рыбу, а кому и на мясо?

И придется ведь — коли так рассуждать... Хотя есть гораздо более естественный и, главное, правильный, а еще главней — Богу угодный — способ разрешения «проблемы»: учиться жить по-христиански по-настоящему, а не между делом и кое-как...

Игумен Нектарий (Морозов)

Христианин должен исправляться, а не проходить через формальное обнуление грехов

Кажется, что в православных семьях нет и не может быть нестроений и тем более разводов. Но даже на собраниях духовенства еще несколько лет назад Патриарх Алексий с болью говорил о распадающихся православных браках и браках священников. Архимандрита Тихона (Шевкунова), наместника Сретенского монастыря и ректора Сретенской духовной семинарии, эта проблема также не может не волновать, ведь именно в годы учебы большинство его студентов заводят семьи: как уберечь будущих священников от ошибки? Почему человек разлучает то, что сочетал Бог?

*Архимандрит Тихон
(Шевкунов)*

— В целом христианские семьи, конечно же, более стабильны, чем семьи людей нецерковных. У нас среди прихожан развод — редкое явление, хотя приход Сретенского монастыря насчитывает около полутора тысяч чело-

век, и в значительной степени это люди молодого и среднего возраста.

Но все же надо признать: количество разводов среди православных растет. Как ни горько констатировать, разводы случаются в последнее время даже в семьях священников. Можно сказать, браки христиан все чаще становятся ущербными и болезненными. Почему так происходит?

Почему распадаются браки христиан

Первая и общая причина — обмирщение. Вульгарная цель гедониста — «бери от жизни всё», — становится если не главной, то во многом определяющей, в том числе и среди церковных людей. Мы становимся все более эгоистичными. Это, несомненно, относится и к нам, к духовенству.

Еще одна причина: православные, а именно о них мы в первую очередь сейчас говорим, зачастую просто не научены тому, чем является христианский брак. Да и примеры счастливого, многолетнего, в высочайшем смысле ответственного супружества становятся скорее редкостью, чем нормой. А вот противоположных примеров — беспомощности самих супругов, их близких, их духовника перед распадом семьи — сколько угодно. В результате развод, как обычный вариант выхода из семейного кризиса, становится жизненно приемлемой моделью, пусть и крайне нежелательным, но вполне реальным вариантом даже для молодых людей, еще только думающих о свадьбе.

Счастливые, крепкие христианские семьи родителей, друзей и знакомых одним лишь своим существованием учат подростков семейной жизни, являются драгоценными образцами для научения и подражания. Каждая из них, особенно сегодня, воистину является нашим общим церковным достоянием. То, чему учатся дети на примерах огромного множества нынешних неблагополучных семей, не нуждается в комментариях. В России в 2012 году на тысячу браков приходилось восемьсот разводов.

Есть и горькие примеры, когда православный человек фактически живет на две семьи. Здесь надо сказать еще об одной причине, способствующей охлаждению духовной жизни и, в частности, распаду христианских браков. Это — превратное отношение к исповеди. Немало людей в Церкви сегодня убеждены: что бы я ни сделал — мне все простится. Даже совершая тяжкий грех, человек заранее уверен: батюшка его простит, грех отпустит. Происходит по сути искажение самых основ духовной жизни: мягкость священника человек воспринимает как поощрение ко греху.

Христианин должен приносить плоды покаяния

Сейчас часто говорят, что епитимьи, отлучение от причастия, в том числе и для воцерковленных людей, неэффективны и вообще не нужны. Не соглашусь с этим. Епитимья необходима в духовной жизни. На этом настаивал, кстати, еще патриарх Пимен — он более чем тридцать лет назад призвал священников не быть теми, кого в древней Руси называли

«потаковниками» — иереями, которые своей ложной снисходительностью попустительствуют греху.

В Псалтири царь Давид Духом Святым предупреждает нас: «Господь расточит кости человекоугодников». Священник незаметно для себя может превратиться в человекоугодника. Это, конечно, не значит, что следует стать твердолобым ригористом: шаг вправо, шаг влево — расстрел. Особенно это касается сферы семейных отношений, быть может, самой деликатной и тонкой в пастырской практике, требующей мудрости, времени и заботы. Но все же и в другую крайность низвергаться нельзя.

Христианин должен приносить плоды покаяния и исправления, а не проходить через формальное обнуление грехов. Ради блага кающегося за тяжким духовным преступлением, как неизбежное следствие, должно следовать наказание. И это совсем не пресловутый «юридический» подход. Вспомним, что значит славянское слово «наказание». Оно переводится не как «возмездие» или «кара», а как «научение». Таким «научением», конечно же, в каких-то случаях может быть и полное прощение — сразу, если священник ответственно видит в таком своем пастырском решении пользу для христианина.

Но плодотворнейшим «научением» может стать разумная, разъясненная прихожанину, епитимья — в первую очередь духовное чтение, милостыня, паломничество и соединенная с ним молитва, а также, в особых случаях, временные ограничения, в том числе и в евхаристической жизни. Все это — действенные, врачующие духовные средства, принося-

щие плоды подлинного исправления злых навыков и горьких ошибок. Надо подчеркнуть, что необычайно важно здесь постоянное общение священника с прихожанином во время несения им епитимьи.

Родители не знают, чем живут их дети

Еще одна новая проблема в устройении семейной жизни — для меня, признаться, неожиданная, — но, возможно, наиболее коварная: родители совершенно не знают, чем живут их дети. И, соответственно, вовремя не могут правильно повлиять на них. И это не просто дежурное сетование.

Несколько лет назад, во время работы над программой противодействия потреблению алкоголя детьми и подростками, мне много пришлось общаться со школьниками средних и старших классов. Вот тогда-то я отчетливо понял, что родители в самом буквальном смысле не представляют, как и чем занимаются их отпрыски.

В контексте нынешнего разговора о семье оставим за скобками даже то, что с виду вполне благополучная девочка, дочь таких же благополучных родителей, может почти каждый день (!) незаметно для папы и мамы привычно употреблять спиртосодержащие коктейли, пиво и вино. Родителям не до детей, формально ребенок ходит в школу, к репетиторам, в секции, а способов скрыть запах спиртного немало.

Что касается нашей темы — вопросов брака и, в первую очередь, будущего брака, — то приходится говорить о том, что сегодня очень многие дети начинают жить «взрослой» жизнью с тринадцати-

четырнадцать лет при полнейшем и блаженнейшем неведении родителей. К сожалению, это ничуть не преувеличение. Статистика по этому поводу достаточно красноречива. И к 11 классу дети меняют, как это ни страшно даже просто констатировать, множество «партнеров». Специалисты-медики сообщают, что под словами «множество» имеются в виду не единицы, а десятки.

В результате такие юноши и девушки становятся попросту неспособными к созданию семьи. И вот приходит к священнику на исповедь, скажем, молодая женщина и рыдает от собственного бессилия: «Я люблю мужа, но не могу быть с ним одним!» Навык, воспринятый в подростковом возрасте и завязанный на психику и физиологию, необычайно сложно преодолеть. «Злые навыки хуже бесов», — предупреждали нас еще древние отцы.

Семейное счастье бывает разным

Кажется, святитель Игнатий Брянчанинов (а это середина XIX века) горько сетовал, что за год в его Черноморской епархии произведено два развода. Отмечая это, как страшное падение христианских нравов, святитель вспоминал, что застал еще архиереев, у которых за все их многолетнее управление кафедрой не было ни одного развода. А сегодня по статистике 80% молодых семей распадаются в течение первых пяти лет после заключения брака.

Конечно, это не значит, что раньше все семьи были абсолютно счастливы. Но люди, прожившие долгую жизнь в браке, понимают, что семейное счастье бывает разным: есть «юное» счастье, и есть счастье тер-

пения и многолетней, общей, в высоком смысле слова, единой жизни.

Разводы не являлись системой еще сравнительно недавно. Не говоря уже о дореволюционном времени. Не было этого широчайшего открытого шлюза, этого всегда услужливо находящегося под рукой института развода. Да православные и чисто психологически с огромным трудом могли решиться на разрушение брачного союза.

Сегодня необходимо искать пути церковного решения этой проблемы — готовить людей к браку, помогать семье не распасться, духовно противостоять себялюбью, гедонизму, потаканию и равнодушию ко греху, а архиереям и священникам думать, как делиться пастырским опытом, подробно тому, как это систематически и в обязательном порядке делается в медицинской среде.

Не будем унывать!

И все же, слава Богу, большинство наших юных прихожан и воспитанников семинарии — удивительно чистые подростки! По большому счету, и родителям и нам удастся донести до них мысль о чистоте до брака и о самом православном браке, как о всеобъемлющем радостном и ответственном событии, раскрывающем очень многое, в первую очередь, в духовной жизни христианина.

Недавно у нас в семинарии, месяца за полтора до Рождественского поста, одному воспитаннику пришло благословение Святейшего Патриарха на рукоположение во диакона. Этот юноша буквально неде-

лю назад обвенчался, и оба юных супруга представляли собой замечательно красивую, счастливую и любящую пару.

Поскольку после рукоположения дьякон должен служить литургию ежедневно сорок дней (а это время особого строгого поста), да потом еще сразу предстояло сорок дней Рождественского поста, я предложил молодому человеку немного повременить с рукоположением. Но он тут же стал смиренно и искренне упрашивать меня все же рукоположить его сейчас: служение у Престола Божия было его самой заветной мечтой, ничуть не входящей в противоречие с любовью к своей юной супруге.

Так что светлые и прекрасные примеры истинной чистоты жизни нынешних молодых христиан, к счастью, тоже нередки. Не будем унывать!

*Беседу архимандрита Тихона (Шевкунова)
записала Анна Данилова*

«Не будем откладывать исповедь» **(Из бесед со старцем Дионисием (Игнатом))**

Иеромонах Дионисий (Игнат), во святом Крещении Димитрий, родился 22 сентября 1909 г. в Румынии, в селе Ворничень уезда Ботошань, в семье набожных крестьян. Он был самым младшим, восьмым, ребенком, и едва ему исполнился год, как отец его умер, оставив бедную мать с сиротками на руках, мал мала меньше — старшему

ребенку, будущему старцу Гимназию, было всего 10 лет. В таких тяжелых условиях, усугублявшихся лихолетьем первой мировой войны, будущий старец Дионисий все же закончил 4 класса начальной школы и проучился 2 года в училище.

В 1923 г., в возрасте 14 лет, он вслед за своим старшим братом Георгием ушел в монастырь — скит Мэгура в Молдове, близ г. Тыргу-Окна. 6 сентября 1926 г. оба брата и еще два монаха из Мэгу-

ры пришли на богомолье на Святую Гору, чтобы здесь всю свою жизнь без остатка посвятить Богу. На Афоне братья Игнат поступили в келью св. вмч. Георгия, что в скиту Капсала, где монашествовало 18 румын, а настоятелем был старец Герасим (Сперкез). В 1927 г. Димитрий Игнат принял монашеский постриг с именем Дионисий, а в 1931 г. он был рукоположен во иеродиакона.

В 1933 г. умер старец Севастиан, наставник братьев, и они уходят в келью свт. Тихона Задонского, что в Капсале, где в безмолвии подвизался отшельник Гедеон (Келару), опытный исихаст, также родом из Румынии. Братья Игнат становятся его учениками. Вместе с этим благодатным молитвенником иеромонах Дионисий подвизался 46 лет, до самой смерти старца в 1979 г. Его брат, иеромонах Гимназий (Игнат) скончался раньше, в 1965 г.

Здесь, в афонской келье свт. Тихона, будущий старец Дионисий в 1937 г. был рукоположен в иеромонаха. В том же году эта смиренная троица монахов-пустынников возводит с самого основания келью святого вмч. Георгия, относящуюся к монастырю Ватопед и располагающуюся над заливом Колчу, и переселяется в нее. В 1945 г. отец Дионисий принимает послушание духовника, а в 1979 г., со смертью своего старца, становится игуменом кельи «Колчу».

Старец Дионисий был одним из самых почитаемых афонских духовников, одним из последних столпов «старой школы» исихазма. Его называли «патри-

архом Афона» и приезжали к нему со всего мира люди самых разных национальностей, в том числе английский принц Чарльз.

Старец Дионисий (Игнат) отошел в вечность 11 мая 2004 года в возрасте 95 лет, из которых 81 год он провел в монастыре, в том числе 78 лет — на Святой горе Афон, из них 67 лет — в келье св. Георгия «Колчу», и 57 лет окормлял многочисленных духовных чад со всех уголков мира.

Предлагаем вниманию наших читателей небольшую беседу со старцем, посвященную таинствам Исповеди и Причастия.

— Отец Дионисий, расскажите нам, пожалуйста, немного о радости причащения, о таинстве Святого Причастия. Как нам готовиться к нему, чтобы радоваться тому, что мы соединяемся со Христом в таинстве Святого Причастия?

— Вы видите, видите? Как сильно смирился Бог, чтобы человек — вот этот человек, весь в грехах, человек ничтожный — удостоился Тела и Крови Самого Христа Спасителя! Как я уже говорил, Бог зовет к Себе всех: «Придите ко Мне, все труждающиеся, все грешные».

Поэтому, чтобы душа каждого из нас пребывала в мире, прежде всего нужно ходить к духовнику. У каждого из нас есть духовник, не так ли? Поведаем ему все наши скорби и немощи, какими нас ввело в

соблазн естество, какими нас ввел в соблазн сатана и мы пали.

И посмотри, сколько же благости у Бога! Он дал эту благодать священнику-духовнику, и если он простит тебя, то ты прощен, а если не простит, ты останешься непощеным. Что он связывает на земле, то связано и на небесах, а что он разрешает на земле, то разрешено и на небесах.

Видишь, сколько Божественной благости явил нам Бог! Он мог бы назначить ангела, ведь у Него имеются миллиарды и миллиарды ангелов, не так ли? «Ты, ангел, будешь духовником всех этих людей!» Но никто не осмелился бы сказать перед ангелом: «Я согрешил, я впал в столько грехов!» Человек тогда думал бы: «Ну как же я ему скажу такое? Ну разве это возможно? Да это невозможно!»

Но Бог поставил, благодатью Святого Духа, священника. Когда архиерей возлагает руки на священника, и благословляет его, и читает о нем молитву, сходит благодать Святого Духа, и он получает силу – что он прощает, то прощено на небесах, а что не прощает, то не прощено на небесах. Видите, сколько благости являет Бог!

А теперь ты идешь к священнику. Священник этот тоже человек, даже если он духовник, – он тоже плоть носит, у него свои немощи, у него свои страсти. И вот ты идешь к нему. У него тоже могут быть свои немощи – но это тебя не интересует. Ты знаешь, что он священник, поставленный святой Церковью быть духовником, и имеет власть связывать и разрешать.

– Как нужно готовиться, чтобы принести чистую исповедь? Что нужно делать – больше поститься, молиться, читать?

– Видишь, как написано в Священной Книге: «Приготовьтесь!» потому что если ты неподготовлен, тогда это никуда не годится. Да испытывает человек себя, то есть пусть готовится, и так да приступает к Божественным Тайнам, ведь Божественные Тайны – это огонь сожигающий, они сжигают все грехи, и немощи, и трудности наши. А если ты приступаешь неподготовленным, они сожгут и тебя, и тогда все кончено! Поэтому нужно приготовление...

Не будем говорить: «Да ну, ничего страшного в том, что я поел, я попил, я поспал и еще кое-что сделал. Пойду причащусь», – как, я слышу, делают паписты, ведь у них литургия совершается поздно. Католики говорят так: «Нам хотелось есть, и мы с утра поели. Поели, выкурили и по сигаретке... Давайте теперь выпьем и кофейку, чтобы взбодриться. Да, но ведь в церкви еще не закончилась литургия! Пойдем-ка причастимся», – и идут, причащаются. Ну разве это приготовление?

– Нет.

– Я не представляю себе, как католики допускают такое. Видишь, они говорят, что еда – это одно, а причащение – это другое, это пища духовная. Как бы там ни было, но если нет приготовления, это гибель.

– Нужен ли канон к Святому Причащению, читать ли благодарственные молитвы?

– После Причастия, обязательно. Молитвы нужно читать с благоговением, с благодарностью к Богу за то, что ты удостоился принять этот столь великий дар.

– **Батюшка, расскажите нам немного о приготовлении к святой исповеди.**

– Ты, как человек, уже знаешь: «Ой, я сделал то-то, скажу духовнику, и еще то-то и то-то». Чтобы не забыть это, запиши все на бумаге, и когда пойдешь туда, скажи: «Батюшка, вот, я сделал то-то и то-то». А как только он сказал: «Бог да простит тебя!» – все, что было записано в анналах сатаны, стерлось.

С этого момента ты должен более не совершать грехов. Не дай тебе Бог совершать их опять, ну а если совершил, сразу же иди к священнику, ибо Священная Книга говорит: «Сколько б раз ты ни упал, вставай!»[4]. То есть, сколько раз ни случится тебе согрешить, не затягивай с исповедью.

Но не так, чтобы ты грешил в беспечности и говорил себе: «Ну вот, побывал я у священника, исповедался, ну а теперь возьмусь-ка опять за старое, я же потом опять исповедуюсь». Но это не так!

– Это грех против Духа Святого.

– Конечно. Грех против Духа Святого. Поэтому: «Я ходил к батюшкам, исповедался и, с помощью Божией, больше не стану делать этого». Ну а если мы только говорим так, но не делаем, то, сам того не замечая, ты себя губишь мало-помалу. Нет! Прими решение, вот так: «А ну-ка, вставай опять, быстро», – как больной, когда ему становится плохо: «Пойду

приму таблетку, а то голова начинает болеть», – так и это.

– Итак, правила нет. Сколько раз почувствуешь, столько раз и надо исповедоваться.

– Так и есть.

– Исповедью нельзя пренебрегать.

– Нет-нет, конечно... И чтобы никто не смел когда-нибудь пойти причащаться не исповедавшись. Многие молитвы, которые читает священник, имеют благодать Святого Духа от Бога, ибо так устроил Благой Отец Небесный, чтобы прощалась вся мелочь, которая у тебя была. Ты говоришь, какие еще грехи у тебя были, все, что ты припомнишь, и так приступаешь к Божественным Тайнам. Ибо Святые Тайны – это огонь сожигающий, они сжигают все грехи, все беззакония и все злые помыслы, но если ты беспечен, существует опасность, что они сожгут и тебя. Поэтому и говорит святой апостол Павел: «Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от Хлеба сего и пьет из Чаши сей. Оттого многие из вас немощны и больны», что приступают к Святым Тайнам без приготовления.

Никто не достоин причащаться Святых Таин, ибо там Бог, Иисус Христос, но насколько это в силах человека и насколько нам позволяют священные каноны Церкви, будем стараться быть близ.

– Батюшка, вот мы, духовники, может, тоже недостойные. И приходят к нам люди, может, более достойные, чем мы. Но мы призваны не отказывать им в приобщении, причащать их, потому что Христос не отказался подать и Иуде его кусок хлеба. Но часто к нам приходят люди с тяжкими грехами. Какой совет вы нам

дадите, как нам поступать с причащением в их случае? Ведь послать его к епископу – это все равно что умыть руки, отделаться от него. Может, Христос послал его именно ко мне.

– Это так, вы имеете полное право... Но смотрите, чтобы, как бы там ни было, но мы не отходили от церковных канонов. Каноны, что установили святые отцы на семи святых Вселенских Соборах, они составили по благодати Святого Духа, потому что они были лучше любого из нас, ведь их вдохновляла благодать Святого Духа, научая их, как нам найти путь спасения.

Ты впал в грехи, а Бог стоит с раскрытыми объятиями и говорит: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, придите, только не уходите, ведь вы только у Меня обретете покой». Но ты видишь: так решено было святыми отцами, чтобы за каждый грех человек получал наказание, чтобы он действительно понял, что согрешил пред Богом. Он должен получить наказание, не так ли?..

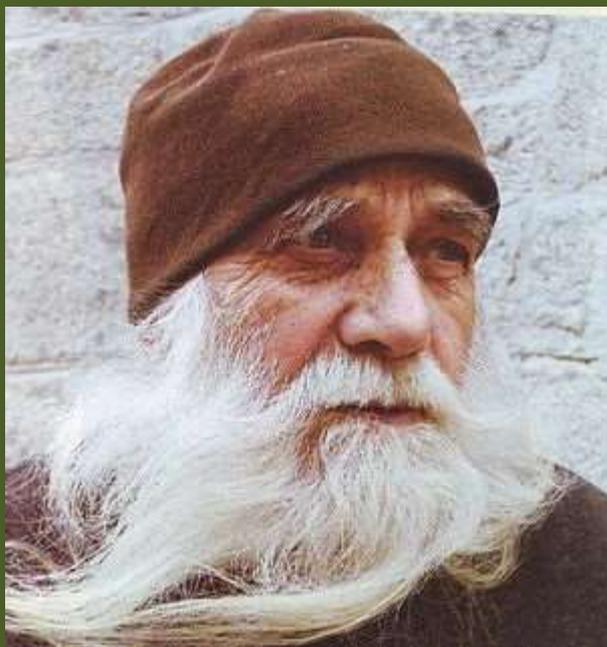
– Разумеется – епитимию.

– Маленькое-маленькое наказание, конечно. Не будем же отходить от канонов, насколько можно. Кое-какие снисхождения духовник может сделать, но не так, чтобы можно было оправдывать себя: «Это ничего, то ничего, все ничего», – ибо тогда мы совершенно погубим себя.

*Иеромонах Дионисий (Игнат)
Перевела с румынского Зинаида Пейкова*

«Благодарю Тебя, Боже, что позволяешь мне говорить с Тобою!»

Авва Иулиан (Лазар) – один из старейших румынских монахов, подвизающихся на святой горе Афон. Он самый посещаемый духовник румынского скита Продрому (святого Иоанна Предтечи), куда, пересекая моря и страны, со всех краев во множестве стекаются

за советом и помощью его духовные чада, монахи и миряне. Монашеский путь он избрал в 20 лет, поступив в монастырь Сихастрия. Здесь 30 лет проходил школу румынского старчества под окормлением великих старцев Клеопы (Илие), Паусия (Олару) и других.

В 1977 году, когда братья из Сихастрии паломничала на Афон, иеромонах Иулиан был оставлен на святой горе. 8 января 2011 года благодатному старцу исполнилось 85 лет; в этом же году исполняется 30 лет его духовничества в скиту Продрому. Сотрудники румынского журнала «Familia Ortodoxă» пришли к старцу для духовной беседы, ко-

тору ю мы и предлагаем читателям «Православия.ру».

– Батюшка, времена, в которые мы живем, тяжки для всех людей. Всевозможные грехи умножились так, словно мы переживаем последние времена – а они наступят, как написано в священных книгах, когда остынет любовь между ближними и не станет тропинки от брата к брату. Что делать нам, румынам, – народу христианскому, но, кажется, так отдалившемуся от Христа, – в эти времена великих испытаний?

– Прежде всего, вникнем в слово Спасителя, говорящего нам: «Что бы вы ни делали, без Меня не можете сделать ничего» (см.: Ин. 15: 5). Значит, всегда, что бы мы ни делали, нужно прибегать к Нему, ибо только Он один учит нас правой вере. И будем жить верой, как сказано и в Деяниях апостолов: «Будем искать Бога, ибо мы Им живем, и движемся, и существуем» (см.: Деян. 17: 27–28). Отсюда, с этого поиска, начинается приближение к Богу, которое происходит в беседе с Богом. Молиться значит беседовать с Богом, молимся ли мы вместе с кем-нибудь или одни, – и Бог принимает нашу молитву. Такой и должна быть жизнь христианина – чтобы он всегда был вместе с Богом. Но, как учат нас Священное Писание и святые отцы, это возможно не иначе, как только если мы молимся непрестанно.

«Непрестанно молитесь, непрестанно молитесь, непрестанно молитесь» (1 Фес. 5: 17) – так увещает нас апостол Павел еще начиная с 64 года по Рожде-

стве Христовом, когда он написал Послание к фессалоникийцам. Значит, с самого начала заповедь была такова: чтобы мы молились непрестанно. И слово это обращено ко всем людям, ко всем христианам, а не только к монахам и священникам. Ибо в то время, когда святой апостол написал это послание, не было ни храмов, ни священников, ни монастырей. Были только христианские общины, основанные святыми апостолами, где верующие преломляли хлеб и причащались тела и крови Христовой. Я думаю, что об этом слове апостола Павла, которое было написано и для нас, мы будем спрошены однажды, когда отправимся на тот свет. Ибо он ясно говорит: непрестанно молитесь, а не: если хотите, если можете, то непрестанно молитесь.

– Батюшка, но у людей есть дети, заботы... Как же им молиться непрестанно?

– А что значит эта молитва? Делать добро, поступать так, словно рядом с тобой присутствует Бог. И если человек сталкивается с трудностями, то, какие бы трудности у него ни были, во всех них пусть взывает: «Боже, помоги мне!» Это и есть молитва: «Боже, не оставь меня!» – вместо того, чтобы говорить или думать что-нибудь другое... Потом, непрестанно молиться значит оберегать свои мысли и думать только хорошее. Ибо думать плохое, делать плохое – это не идет от Бога. Бог означает только добро, Бог есть любовь.

Вы видите, однако, что нам очень мешают эти масса-медиа, телевизор, интернет и все, иже с ними, они очень мешают нам любить Бога. Ибо апостол Павел

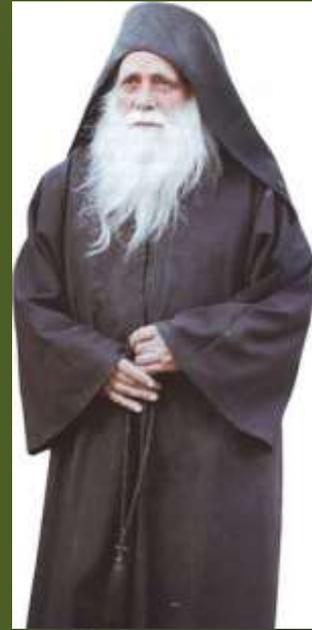
очень красиво говорит: «Прелюбодеи, разве вы не знаете, что дружба с миром есть вражда против Бога?»(см.: Иак. 4: 4). Ведь что иное привносят в нас масс-медиа, как не дух мира сего?

В Библии 1914 года говорится точнее: «Прелюбодеи и прелюбодейцы! не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога?» Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу. И не думай, что не станешь врагом Богу, если ты друг миру

... Дружба с миром – это все, начиная с комфорта, расхлябанности... Вот тут человек уже начинает отделяться от Бога. Ведь поначалу люди говорят себе, что они с Богом, но и с миром тоже, но так продолжается недолго. В Откровении святого Иоанна Богослова ясно сказано, что нужно быть или холодным, или горячим, а так как «ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3: 16). То есть ты ни то ни се – ты теплохладен: и так хорошо, и эдак хорошо, и то хорошо, и это. Таков образ жизни в духе времени.

– Ни от мира не отделяться, ни Бога не искать сильнее...

– Это все равно что служить двум господам. Но нельзя служить двум господам, нельзя – Богу и маммоне(см.: Мф. 6: 24). «Что общего у света с тьмою?»(2 Кор. 6: 14). И вот начиная с этого человек мало-помалу отделяется от Бога.

А приближение к Богу – это вот что. Это *отказ* – отказ от всего: отказ от мира, от всех страстей мира, от разврата мира, который начинается со слишком большого комфорта – а сегодня человек хочет жить все лучше и лучше. И пока человек не отгородится от всего того, что привнес мир, он не может найти Бога. Так что, чтобы найти Бога, нужно оставить мир, оставить все окружение, которое мешает нам найти Бога и жить в Нем.

– Но человек думает: «Ну, оставлю я мир, а что взамен этого приобрету?»

– Мы когда оставили мир, тогда и приблизились к Богу, иначе это невозможно. А если Христос вместе с нами, то мы все можем совершить, ведь мы знаем, что без Него не можем сделать ничего. Это жизнь христианина: во всякое время и во всем искать Бога. А теперь, может, кто-нибудь скажет: «Но у меня есть свои заботы: у меня дети, я должен работать, как же мне найти Бога?» Найдешь ты, человек, Бога,

найдешь Его. Если у тебя напасти, во всякое время нужно взывать: «Боже, помоги мне!» И так, где бы ты ни находился, Бог будет с тобой.

Я нашел в «Сборнике» – писаниях святых отцов о молитве Иисусовой – такие слова: «Имей чувство присутствия Бога и страх Божий». То есть, где бы ты ни находился, поступай и веди себя, думая о том, что ты стоишь пред Богом, – ибо так оно и есть: мы все стоим пред лицом Божиим. Бог невидим, непостижим умом человеческим, но «мы Им живем, и движемся, и существуем», как сказано в Деяниях апостольских. Мы всегда находимся пред Богом, что бы ни делали, о чем бы ни думали. И Бог все видит и все слышит – надо думать об этом все время, это великое дело.

– Батюшка, что делать, чтобы лучше сознавать, что мы все время стоим пред Богом?

– Есть одна очень красивая молитва, которую человек может совершать, когда начинает говорить с Богом, когда идет в свою комнату молиться: «Господи, благодарю Тебя, Господи, что позволяешь мне говорить с Тобою». Ты говоришь тогда с Богом! Человек говорит с Богом! Думать о том, что ты говоришь с Богом, – великое дело. Ведь ты говоришь с Богом! И Он хочет этого, Он призывает нас говорить с Ним, ибо написано: «Будьте святы, потому что Я свят» (1 Пет. 1: 16). Такими нас хочет видеть Бог, чтобы мы были святы, чтобы находились вблизи Него.

Итак, ты идешь в свою комнату и начинаешь: «Благодарю Тебя, Господи, что позволяешь мне говорить

с Тобою, Боже». И затем говоришь Ему: «Прости меня, Господи, что я согрешил, думая, что я один, но я перед лицом Твоим совершил это, Господи. Все, что я думал, все, что я сделал, перед лицом Твоим было. А я был бесчувствен и о Тебе не думал».

Начинает человек с этого. И доходит до сокрушения сердца, до слез и до того, что словно никогда не отделялся бы уже от Бога. Ибо сходит благодать Божия тогда, ибо приходит дар слез, и думает человек о жизни своей и говорит: «Господи, пред лицом Твоим это было! И я недоумеваю из-за жизни моей, я робею пред лицом Твоим, когда думаю о жизни своей. Все, что я думал, все, что я сделал, перед лицом Твоим происходило».

И это так и есть, пред лицом Бога все происходит. От Бога мы не можем утаиться никогда. Мы не одни и не были одни. Всякий грех, который мы совершили, все добро – все пред лицом Бога произошло. И очень красива эта молитва – молитва, через которую человек приходит в сокрушение сердца и покаяние. Ведь что хочет Бог от нас? Чтобы мы отбросили весь грех – это есть покаяние, отбросили все-все грехи, которые совершили.

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного» – это молитва, о которой известно от святого Никодима Святогорца; многие трудились в ней и достигли высокой меры. Но есть и другие хорошие молитвы, которые можно повторять. И если ты прилепишься к другой молитве – это тоже хорошо, также и к молитвам Матери Божией. Есть одна молитва, которая поется на литии: «Богородице Дево, радуй-

ся, благодатная Марие, Господь с Тобою. Благословенна Ты в женах, и благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших». Человеке, если ты произносишь эту молитву, то она ведь как молитва, вознесенная ангелами, – это ведь слова из Евангелия от Луки: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою... Благословенна Ты между женами, и благословен Плод чрева Твоего»(Лк. 1: 28, 42). Это очень красиво! И одни навикают одному, другие другому.

И «Господи Иисусе...» Идешь ли ты куда, ждешь ли в каком зале... Твори ее по десять минут каждый день, хотя бы десять минут или четверть часа, в тихом месте, – сядешь, как сказано, на скамеечку высотой с ладонь, будь внимательнее, чтобы не упасть с нее, – и говоришь: «Господи Иисусе...» Это делается четверть часа, потом по 20 минут – если можешь, то и дольше. А тот рой мыслей, который нападет на тебя тогда, – тебе отныне, разумеется, нужно иметь и духовника, чтобы открывать это ему. Это делание молитвы. Это практиковали и святые.

Рассказывал один отец-духовник, что некая его ученица произносила «Господи Иисусе Христе...», когда хлопотала по дому. И дети, слыша ее, тоже начали повторять молитву – а было им меньше 10 лет. И поскольку они вторили ее все время, то молитва привилась к ним, и дети произносили ее и во сне.

– Почему это хорошо, чтобы родители творили молитву дома вслух?

– Это хорошо, чтобы слышали и дети. Чтобы слышали и дети, ибо это входит в ум. Если даешь ребенку

что-то, то это входит в его ум и крутится в уме – вот так. Пусть крутится молитва, а не что-нибудь другое.

– Значит, супруги, когда дома, могли бы проносить то один, то другой молитву, когда делают какую-нибудь работу руками.

– Когда делают какую-нибудь работу – «Господи Иисусе Христе...» или любая другая молитва. Еще есть одни очень красивые слова, афонские: «Ищите Иисуса, ибо Он скрыт в заповедях: исполняя Его заповедь, Его открываете. В заповеди, данной Им, заключена вся вера: люби Бога и всякого ближнего своего». В этом весь закон.

– Батюшка, что больше всего нужно христианину наших дней?

– Исповедь и больше не совершать грехов – а если совершил, то сразу, как только совершил грех, пойти к священнику и исповедаться. Ибо, говорю вам, мы летаем по небу, плаваем по водам, ездим по земле – только и слышишь, что кто-нибудь утром уехал на машине, а его привезли мертвым: машина разбилась вдребезги, и его привезли мертвым. Каким его застала смерть, таким и будут судить там! Какие бы тяжкие грехи он ни совершил, но, если он исповедал их до того, как настигла смерть, Церковь его вызволит. Вот это и есть таинство исповеди!

Каждый должен думать о том, что он уйдет туда. Когда? Мы не знаем. Но каждый сделает это. Через год или через десять... У меня была такая поговорка: «Годы идут, я стар, а все с ветхим человеком расста-

нусь». Но думаю, что скоро – вот, мне уже 85 лет. И поэтому нам надо сознавать, что мы уйдем туда. Когда – не знаем, но мы должны быть подготовлены к жизни вечной.

Жизнь человека проходит три цикла. Первый – в чреве матери, где мы жили девять месяцев. Второй – на земле, сколько кто будет жить: десять, пятьдесят, сто лет. Третий – тамошняя жизнь, которая не имеет конца. И поэтому нам нужно готовиться к тамошнему.

Нам нужно думать о том, что мы умрем и с нас будет спрошено за все, что мы сделали здесь, если уж говорится, что «и Авраам будет раскаиваться, что не сделал большего здесь», – я нашел это в «Патерике». Жил один старец, больной тоже; он с юности был ревностен о Боге, и вот на старости лет он исполнял свое правило – сидел на стульчике и вторил: «Господи Иисусе...» И приходит молодой брат и говорит ему: «Не мучай себя, отдохни немного, ведь ты стар и болен». А он тотчас поднимается и говорит: «Что ты говоришь, брат? Разве ты не знаешь, что и Авраам будет раскаиваться, что не сделал большего?» Поэтому с нас будет спрошено там, в вечной жизни, за все, что мы сделали тут. Добро ли сделали, зло ли – за все...

И поэтому я говорю, что уйдет плоть эта и останется душа, ибо она владыка. Туда пойдет только душа. Поэтому я и повторяю по многу раз: «Тело – хороший слуга, но плохой хозяин». Да не становится тело хозяином, ибо, если станет хозяином, оно захочет телесного. Есть такое присловье: «Из любви к себе происходит все зло». И отсюда – все телесные жела-

ния, всякая расхлябанность, как я сказал вам... Человек уже не думает больше, что умрет, что отправится туда. «Не давай телу того, чего оно просит, ибо это обернется болью», «не потакай телу своему, ибо умрет душа» – вот некоторые очень красивые слова, афонские.

– Батюшка, мы хотели спросить вас кое-что о молитве...

– О молитве говорится так: «Если хочешь ум освятить, Христа поминай. Чем больше будешь стараться, тем больше будешь чувствовать Его присутствие». Или: «Ум, что любит, о том и думает. Если любишь Бога, о Нем и думаешь все время».

Нужна молитва, нам нужно много молиться. Очень красиво говорит апостол Павел: «крест для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия. Ибо написано: “Погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну”. Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?.. Благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (1 Кор. 1: 18–21).

– Батюшка, как мы можем достичь такой духовной меры, как та, о которой вы говорили нам?

– Ты думаешь о том, с Кем ты беседуешь – и что стоишь перед лицом Бога. Только так ты можешь сделать вступление в молитву, сосредоточить в себе силу Божию, чтобы смочь молиться подольше. Встаем перед Богом и начинаем молитву. Наши молитвы очень красивые; у нас есть молитвы утренние, есть

вечерние, прочтем и акафист, прочтем молебен – но только чтобы все доходило до чувства. Каждое слово мы должны чувствовать. Если ты не делаешь так, то зря совершаешь молитву! Если поглядываешь на часы или если только «дай-дай-дай» – то это рутина, это тщетно! Очень красиво сказано: «В церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке»(1 Кор. 14: 19).

Приходит брань помыслов, отче, приходят ужасные мысли, буря мыслей...

– Они не приходят от человека. Святой Макарий, святой Антоний видели злых духов, говорили с ними. Когда человек достигает того, чтобы жить все больше с Богом, духи не приближаются к нему. Для стоящего же в

начале приходит атака. Отверг ты ее – то это не грех. А если она началась, а ты приоткрыл ей дверку и согласился с ней – это грех. Ведь после одной атаки следуют и другие, злой дух немного помедлит, а потом через какое-то время опять просыпается. Но че-

ловек должен простираться дальше, идти вперед. Теперь все дело в том, чтоб не отступить назад!

Какое великое понуждение себя требуется, чтобы иметь Духа Святого всегда, – и тогда, как говорит псалмопевец, «я сплю, а сердце мое бдит» (Песн. 5: 2)! Сколько радости вблизи Жениха Христа, душа – невеста! Или когда соединяется ум с сердцем – тогда совершается брак между умом и сердцем; это самая великая радость, что ум соединился с Христом!

Эх, легко сказать, да трудно сделать! Сказано у Матфея (5: 19): «Кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном». Или во 2-м послании к Тимофею (2: 6): «Трудящемуся земледельцу первому должно вкусить от плодов» – от плодов Духа Святого, Наставника, – и потом давать другому. Очень красивые слова! Я должен стяжать рвение в себе самом, должен исполнить это на деле сам.

– То есть чтобы мы, христиане, всегда исполняли то, что говорим, что проповедуем.

– Сначала научи самого себя. «Человек, скажи мне, как ты живешь, чтобы я поверил в то, что ты мне доказываешь»; «Наставление жизнью – самое хорошее доказательство»; «Если словоохотлив – живи, а потом уже учи», «По Евангелию, которое ты проповедуешь, живи, прежде всего, сам». В тебя вселяется ревность о Боге, и она словно возрастает в тебе потом! Есть некоторые люди, которые, кажется, и говорят-то только для того, чтобы прославить Бога, ибо только Бог может сделать что-нибудь. Без Бога ты не можешь сделать ничего! И это так.

Теперь, возвращаясь к телу, в Евангелии от Иоанна (6: 63) говорится: «Дух животворит; плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь». В Писании сказано: «Я ничего не говорю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю» (Ин. 8: 28). С неба эти слова, это действие Духа Святого: «Что сказал Мне Отец, то Я и говорю вам». И говорит – значит, «Дух животворит; плоть не пользует нимало»; не говорит, что пользует, а что в сравнении с душой тело – это ничто. «Мы храм Духа Святого» (см.: 1 Кор. 6: 19). Мы должны освящать тело своими делами, молитвами и деланием добра. Будем освящать тело! У нас есть мощи святых, которые всю жизнь освящали свое тело. Плоть эту они освятили, с душой! Мы должны его освящать. Потому я и говорю, что тело – хороший слуга, но плохой хозяин. Да не становится оно хозяином! Ибо чтобы освятить это тело, надо относиться к нему, как к слуге. Если же оно стало хозяином, тогда раб – душа!

Мы не нуждаемся в слишком замысловатых философиях. Самая великая философия, как говорит святой Василий Великий, – это память о смерти.

– Батюшка, пожалуйста, дайте нам напутствие в заключение

– Я уже сказал вам: каждый пусть думает о том, как ему не совершать больше грехов, а если совершит, то пусть исповедуется. Это самое великое дело – исповедь. И пусть будет внимателен, чтобы смерть не застала его в грехах. Пусть больше не совершает грехов! Если грешит, то, как только согрешил и совершил грех, пусть идет к священнику и исповедуется,

чтобы его не застала таким смерть. Как сказал, так и повторяю: уезжает человек на машине, и машина разбивается вдребезги: с ним столкнулся какой-нибудь сумасшедший, пьяный, кто знает, какой еще. Каким его похитила смерть, таким он и будет судиться. Если его похитила смерть, а он совершил какой-нибудь большой грех и был исповедан, то он счастлив. Об этом станем думать, о тамошней жизни.

Архимандрит Иустин (Пырву)
Перевела с румынского Зинаида Пейкова
Журнал «Familia Ortodoxă». 2011. № 2–4

